

УДК 101.1; 13

**В.В. Чешев****ПОНИМАНИЕ И ПЕРЕЖИВАНИЕ СМЫСЛОВ В СФЕРЕ СОЗНАНИЯ**

*Указываются два пути фиксации смыслов в сознании человека. Один из них обусловлен свойствами психики, уходящими в эволюционное прошлое человека. Это эмоциональное образное восприятие, тесно связанное с характерными символами, обозначающими смыслы. Другой путь обусловлен когнитивными процессами и предполагает абстрактное понятийное оформление смыслов. Эволюционным основанием названных психических процессов является развитие поведения и деятельности как специфических форм активности, сложившихся в социогенезе.*

*Ключевые слова: социогенез, поведение, деятельность, символ, смысл.*

Науки о сознании и мышлении (когнитивные науки) исследуют различные стороны психической активности человека, в том числе физиологические особенности функционирования мозга. Философия может вносить свой вклад в когнитивистику через обращение к свойствам сознания и мышления, обусловленным социогенезом, т.е. развитием психических способностей человека в процессе становления его мыслительных способностей. Решающим фактором в становлении сознания явилось использование знаковых средств, выполняющих, по мысли Л.С. Выготского, роль своеобразных психических орудий, в чем-то подобную роли инструментов практической деятельности человека. Знаковые средства являются инструментами, кодирующими смысловые значения и позволяющими оперировать смыслами, с которыми они соотнесены. Поэтому процесс становления и развития мышления и сознания предстает как процесс рождения смыслов, посредством которых программируется активность человека как социального существа. Сам же генезис смысловых значений связан с теми кардинальными эволюционными изменениями, которые происходили в процессе становления человека. Поэтому исследование сознания по необходимости должно обратиться к моменту появления знаковых средств и к причинам их появления.

Одним из фундаментальных факторов социогенеза было формирование новой эволюционной формы взаимоотношения гоминидных сообществ с природной средой. Речь идет о предметной деятельности, принесшей принципиально новые возможности становящемуся человеку. Наиболее характерной чертой деятельности является ее целесообразность, она осуществляется по принципам, существенно отличающимся от генетически наследуемого поведения животных. Как искусственная форма активности деятельность наследуется социогенетически, т.е. через подражание, обучение и другие формы трансляции культурного (искусственного) опыта. Но принципиальная особенность трансляции деятельности как новой эволюционной формы активности связана с тем, что этот процесс требует использования знаковых средств. Причина такого положения в том, что от использования знаковых средств неотделим признак целесообразности деятельности. Формирование

цели, совершающееся в психике живого существа, требует перехода от предметных действий к действиям со средствами, заместившими реальные предметы и ставшими инструментами для психических операций. Соответственно, трансляция деятельности предполагает усвоение психических механизмов целеполагания. На эту сторону целесообразного действия указывал Л.С. Выготский, полагавший, что знаковые средства возникают в процессе интериоризации деятельности как особые психические инструменты, подобные по своим функциям средствам предметной деятельности. От действий с «психическими инструментами» человек может переходить к предметным действиям, что может быть названо экстериоризацией деятельности. В соответствии с гипотезой Л.С. Выготского становление деятельности как целесообразной активности неотделимо от появления и использования знаковых средств.

Другим основанием для появления и использования знаковых средств явилось формирование новых общественных структур и взаимоотношений внутри сообщества, начало которым было положено становлением деятельности. Сама деятельность как форма активности не является индивидуальным приобретением, она предстает инструментом жизни сообщества как целого, а не отдельного индивида. Она смогла сформироваться благодаря изменениям в организации гоминидных сообществ, сделавших возможной «деятельностную эволюцию», которая привела к необходимости формирования искусственных (культурных) форм поведения. Культурные формы поведения, с одной стороны, отразили начавшийся социогенез, т.е. внутреннее преобразование общества. С другой стороны, новые взаимоотношения внутри сообщества, его новая социальная структура могли быть закреплены только посредством новых форм поведения. Но культурные формы поведения также требуют искусственных, т.е. культурных средств его программирования. Если поведение животных генетически наследуемо и опирается на естественный (прирожденный) комплекс средств для реализации поведенческих программ, то социальное поведение человека программируется смысловыми средствами культуры, кодируемыми соответствующими знаковыми средствами. Таким образом, социогенез как целое, взятый со стороны изменяющих форм взаимодействия с внешней средой (становление деятельности) и изменяющихся форм поведения, требует знаково-символических средств для реализации новых искусственных программ активности, пронизывающих всю социальную жизнь сообществ нового типа.

Сам процесс выработки смысловых структур поведения и деятельности должен быть предметом антропологии во всех ее проявлениях. В рамках когнитивистики становится особенно важным обращение к процессам психического усвоения смыслов, неотделимым от практики использования знаковых средств. Можно предположить, что использование знаковых средств в актах целесообразной предметной деятельности будет в той или иной мере отличаться от усвоения и использования новых психических средств программирования социального поведения. На это различие обращает в частности внимание Л. Леви-Брюль, когда сопоставляет мировоззренческие (мифологические) представления аборигенов и европейцев и способности тех и

других к рационально-рассудочной активности: «Первобытные люди весьма часто дают доказательства поразительной ловкости и искусности в организации своих охотничьих и рыболовных предприятий, они очень часто обнаруживают дар изобретательности и поразительного мастерства в произведениях искусства, они говорят на языках, подчас чрезвычайно сложных, имеющих почти столь же сложный синтаксис, как и наши языки, а в миссионерских школах индейские дети учатся так же хорошо и быстро, как дети белых. ...Однако другие факты, не менее поразительные, показывают, что в огромном количестве случаев первобытное мышление отличается от нашего. Оно совершенно иначе ориентировано. Его процессы протекают абсолютно иным путем. Там, где мы ищем вторичные причины, пытаемся найти устойчивые предшествующие моменты (антецеденты), первобытное мышление обращает внимание исключительно на мистические причины, действие которых оно чувствует повсюду. Оно без всяких затруднений допускает, что одно и то же существо может одновременно пребывать в двух или нескольких местах. Оно подчинено закону партиципации (сопричастности), оно в этих случаях обнаруживает полное безразличие к противоречиям, которых не терпит наш разум. Вот почему позволительно называть это мышление, при сравнении с нашим, пра-логическим» [1. С. 8].

Этим наблюдением подчеркнуто то обстоятельство, что рационально-рассудочные формы активности совершаются у европейцев и аборигенов в принципе одинаково и аборигены в своих способностях к рациональной активности не уступают европейцам, но сама рациональная рассудочность отступает у аборигенов на второй план в тех ситуациях, когда решаются проблемы социального поведения. В этом случае рациональность замещается ощущением сопричастности мистической реальности, сформировавшимся в актах коллективного мышления, на которое указывает Леви-Брюль.

Некоторые особенности коллективного первобытного мышления могут быть объяснены процессами усвоения культурных смыслов, проявляющихся как на ранних, так и на более поздних стадиях развития человека. Речь идет о важной роли эмоциональных процессов, вне которых невозможно становление сознания. Эту сторону дела подчеркнул в свое время Л.С. Выготский: «Кто оторвал мышление с самого начала от аффекта, тот навсегда закрыл себе дорогу к объяснению причин самого мышления, потому что детерминистский анализ мышления необходимо предполагает вскрытие мотивов мысли, потребностей и интересов, побуждений и тенденций, которые направляют движение мысли в ту или иную сторону. Точно так же кто оторвал мышление от аффекта, тот заранее сделал невозможным изучение обратного влияния мышления на аффективную, волевую сторону психической жизни» [2. С. 21].

Действительно, смыслы, программирующие поведение формирующегося человека родового общества, не могут быть предъявлены в рационально-рассудочной форме через их абстрактные определения. Они даются в образной форме и должны быть пережиты людьми. Процессы аффектации, процессы акцентированного эмоционального восприятия оказываются в таком случае исключительно важными для культурного программирования сообщества. Основным и фундаментальным способом предъявления смыслов

в этот период оказывается ритуал ввиду его следующих особенностей. Во-первых, ритуал является коллективным действием и демонстрация смыслов и обозначающих знаковых средств обращена ко всем членам сообщества, во всяком случае ко всем участвующим в ритуале. Во-вторых, ритуал заразителен своим коллективным действием, в рамках которого индивид отстраняется от индивидуальных переживаний и целиком захвачен переживаниями коллективными. На их основе формируется та составляющая сознания, которую Л. Леви-Брюль назвал коллективным мышлением. Наконец, в ритуале формируются и применяются средства, способные резко усилить его аффективное эмоциональное воздействие. К таковым относятся прежде всего повторяющиеся ритмические фигуры (танец, ритм барабанов) и т.п.

Усвоение культурных смыслов и овладение символическими средствами организации социального поведения опираются в ходе социогенеза на эмоционально-аффективное восприятие. Оно способствует формированию смысловых доминант поведения, выстраиванию их иерархии, а также умению соотносить доминантные смыслы с реальными природными ситуациями. Этому человек родового общества напрямую обучается в ритуале, и на этом основании можно говорить об исключительной роли эмоционально-аффективных процессов в ходе становления сознания. Более того, для организации социального поведения они имеют фундаментальное значение, поскольку лежат в основании психических процессов так называемого первобытного коллективного мышления, на которое указывал Л. Леви-Брюль. Но развитие сознания не может ограничиться названным уровнем его организации. Целерациональность, входящая в активность человека вместе с формированием предметно-деятельностного отношения к природной среде, неизбежно проникает и в другие формы активности, в частности в социальное поведение, принимающее осмысленный и осмысленно-мотивированный характер. Последнее выражается через осознание смыслов и выстраивание их когнитивной систематики. Этот процесс сопровождается развитием языка, являющегося универсальным средством фиксации, хранения и трансляции смыслов, а также и развитием языкового мышления, т.е. мышления, подчиненного двоичной логике, описанной в «Аналитиках» Аристотеля.

Историческое развитие сознания предстает как сопряженное развитие психических процессов двоякого рода. С одной стороны, идет развитие психической сферы как способности эмоционального переживания культурных смыслов, обеспечиваемое развитием образных средств культуры. С другой стороны, совершается развитие когнитивной сферы как способности оперировать абстрактными смыслами на основании некоторых формальных правил. На этом пути встраивается систематика мировоззрения, представленная вначале систематикой мифа и затем абстрактными моделями сменяющего миф философского умозрения. И здесь необходимо указать на то обстоятельство, что абстрактные смыслы, обслуживающие предметную деятельность, в частности, те абстрактные смыслы, которыми оперирует опытная наука, требуют «холодной головы», т.е. они не требуют аффективного усвоения, но почти исключительно базируются на средствах логики, требующих не переживания, но строгого следования правилам мышления. Послед-

нее не значит, что мыслительная деятельность ученого не пользуется образами, способными порождать те или иные эмоции. Но они оказываются вспомогательными средствами творческого процесса или средствами мотивации его усилий. Сам же комплекс абстрактных моделей, которыми оперирует ученый, требует понимания, но не переживания. Известна легенда, что Пифагор якобы принес гекатомбу по случаю открытия им теоремы о квадратах сторон прямоугольного треугольника. В этой легенде выражена эмоциональная оценка Пифагором значимости своего открытия. Что же касается самой теоремы, то ее содержание требует понимания ее логических оснований, а не эмоциональных переживаний, к которым она никак не апеллирует. Сам факт равенства суммы площадей двух квадратов третьему не может родить ни гнева, ни печали. Другое дело – поэмы Гомера, они как раз обращены к эмоциональному соучастию слушателя в описываемых событиях и в судьбах героев.

В конечном счете эмоционально-переживательные и рационально-рассудочные процессы определенным образом соединены в мышлении и психике человека. Их соподчиненность может быть обнаружена разными путями, в том числе через исследование иррациональных начал человеческого поведения, его подсознания и т.п., и она входит в сферу исследований когнитивных наук.

#### *Литература*

1. *Леви-Брюль Л.* Сверхъестественное в первобытном мышлении. М.: Педагогика-Пресс, 1994.
2. *Выготский Л.С.* Мышление и речь // *Выготский Л.С. Собр. соч.: В 5 т.* М.: Педагогика, 1982. Т. 2.